

Мария Михайлова

— доктор филологических наук, заслуженный профессор МГУ имени М.В. Ломоносова.

**ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ —
НИНА ПЕТРОВСКАЯ.
ИСТОРИЯ ЛЮБВИ
И СОТВОРЧЕСТВА**

Серебряный век богат на громкие любовные истории, которые занимали умы и внимание его представителей. Существовал петербургский круг, в котором постоянно возникали имена обитателей «Башни» — Вячеслава Иванова, его жены Лидии Зиновьевой-Аннибал, Маргариты Сабашниковой. Также без конца обсуждались отношения Александра Блока и его жены, увлечения поэта актрисами Натальей Волоховой и Любовью Дельмас. В Москве же центром притяжения был Валерий Брюсов, известный поэт, повелитель московских декадентов, избравший для себя образ мага (непроницаемым, в черном глухо застегнутом сюртуке он запечатлен на портрете Врубеля). Он и сам не противился слухам о своем магическом влиянии на женщин. Но роман с Ниной Петровской (1879—1928) выделялся даже на фоне прочих (трагическая история с поэтессой Надеждой Львовой, покончившей с собой после телефонного разговора с ним, случится позже, и эта связь, будучи очень краткой, не вызовет такого резонанса, тем более что Брюсов после произошедшего скроется из Москвы на целый год).

В его длительный роман с Ниной Петровской были посвящены многие. Это объяснялось тем, что

происходящее на глазах прекрасно вписывалось в театрализованную атмосферу Серебряного века, где все играли какие-то роли, формировали проживаемую реальность по эстетическим законам, вписывали свои поступки в мифопоэтический контекст. По сути, именно Петровская полноценно воплотила то явление, которое получило в символистской среде название жизнетворчества. Уже после ее кончины ее друг и современник поэт Владислав Ходасевич создал текст, основополагающий для всех филологов да и просто интересующихся Серебряным веком людей. Назвал он его «Конец Ренаты»¹. По имени героини самого известного произведения Брюсова — романа «Огненный ангел», где главным действующим лицом была жившая в Средние века женщина, обвиненная в магии и колдовстве и приговоренная инквизицией к казни. Прототипом этой героини и стала Нина Петровская, символ Серебряного века, наиболее последовательно сумевшая соединить жизнь и творчество.

Имя Нины Ивановны Петровской сейчас уже нельзя, как это было несколько лет назад, считать забытым, ведь интернет полнится замет-

ками, всеми красками расцветивающими ее любовную связь с Брюсовым. Большинство из них не поднимается выше уровня банальной сплетни, смакующей подробности их отношений, педалирующей ее истеричность, наркозависимость и пр.² И почти нигде не упоминается, что она была интересной писательницей, хотя и не сумевшей до конца реализовать свой дар, но внесшей, несомненно, существенный вклад в модернистскую прозу первой трети XX века. Несколькими исправками положение книги, в которой оказалось собрано почти все ее наследие: рассказы, публицистика, мемуары, критика, — «Разбитое зеркало»³, насчитывающая почти 1 000 страниц, что доказывает ее работоспособность и настойчивость в желании стать писательницей. Однако недоверие к ее литературным способностям сохраняется со времен Ходасевича, обронившего фразу: «...написанное было незначительно и по количеству, и по качеству»; у нее было «небольшое дарование»⁴.

Ее сближению с Брюсовым предшествовали знаковые события, которые во многом определили драматизм их отношений. Поэтому стоит им уделить внимание.

1 Этот очерк входит в книгу воспоминаний В.Ф. Ходасевича «Некрополь».

2 Яркий пример — книга И. Талалаевского «Три фурии времен минувших. Хроники страсти и бунта» (СПб.: Алетейя, 2013), «по косточкам» разбирающего жизни Лу Андреас-Саломе, Нины Петровской и Лили Брик.

3 См.: Петровская Нина. Разбитое зеркало. Проза. Мемуары. Критика / сост. М.В. Михайлова; вступ. ст. М.В. Михайловой и О. Велавичюте; комм. М.В. Михайловой и О. Велавичюте.

При участии Е.А. Глуховской. М.: Б.С.Г.—Пресс, 2014. 960 с.

4 Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты // Ходасевич В.Ф. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. М.: Согласие, 1997. С. 7.

В начале XX века эта женщина была хорошо известна в Москве: жена и помощница владельца издательства «Гриф» С.А. Соколова, писавшего стихи под псевдонимом Сергей Кречетов, участница кружка аргонавтов, хозяйка литературного салона. Ей посвящали стихи Белый и Брюсов (сборник стихотворений последнего «Stephanos», вдохновительницей которого была Петровская, вышел в 1906 году и стал, может быть, последним крупным успехом поэта, как отмечал он сам). Помимо «запечатления» в «Огненном ангеле», под именем Юлии Агатовой она возникла на страницах романа Сергея Ауслендера «Последний спутник» (1913).

О ее происхождении и жизни до приезда в Москву известно мало. Ее рождение как личности состоялось в 1903 году, когда ее муж дал возможность печататься молодой декадентской поросли в организованном им издательстве «Гриф» и в их доме на Знаменке стали появляться люди из литературной среды. Они читали стихи, музицировали, обменивались мнениями. Не обходилось без вина. Соседи жаловались домохозяину на шум по ночам. Вскоре она знакомится с Андреем Белым, первую встречу с ним описав так: «В вестибюле Исторического музея, после чьей-то лекции, в стихии летящих с вешалок,

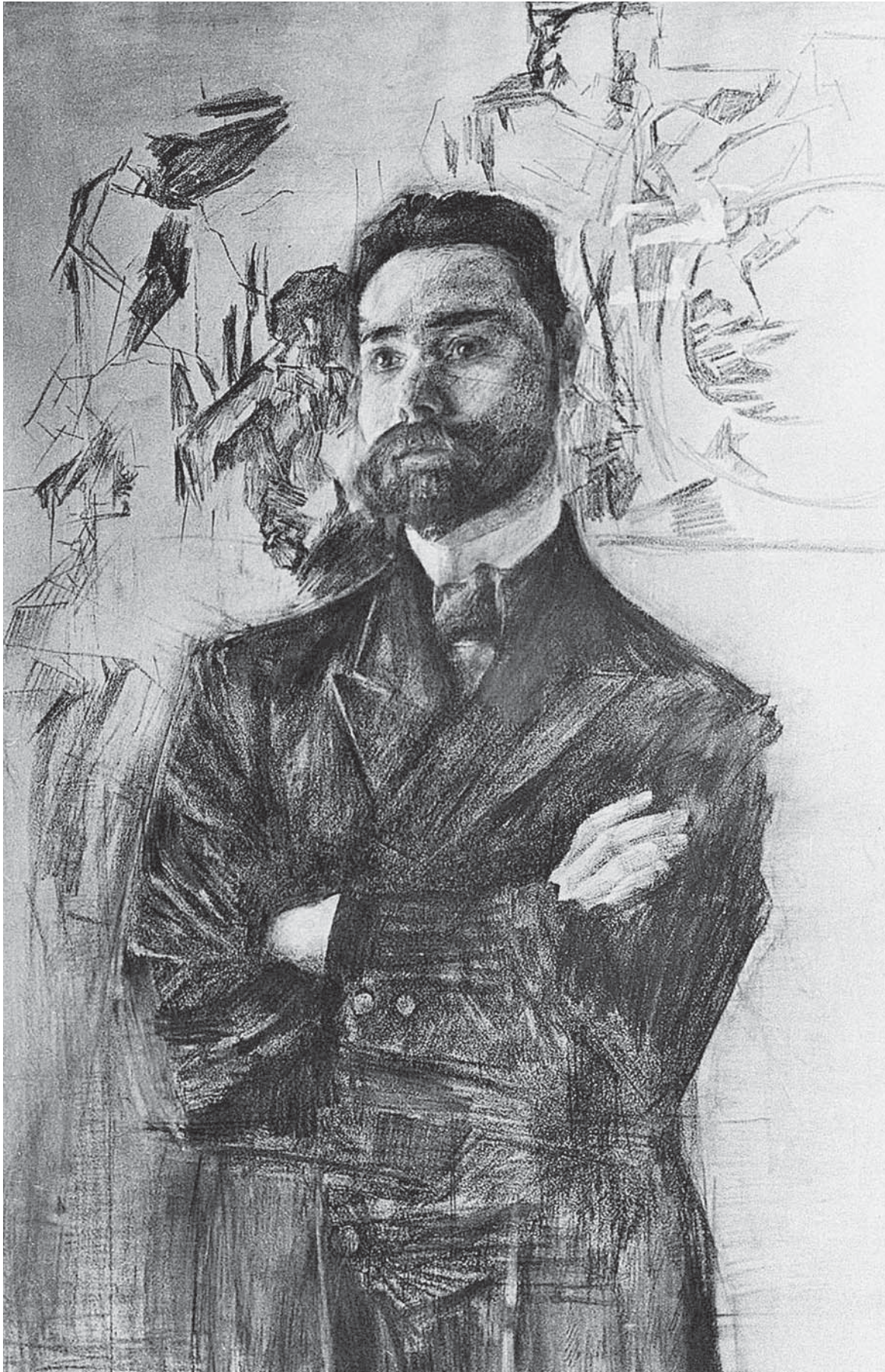
ныряющих, плавающих шуб, словно на гребне волны, беспомощно носилась странная и прекрасная голова, голубовато-прозрачное лицо, нимб золотых рассыпавшихся волос вокруг непомерно высокого лба»⁵. Ходасевич замечает, что тогда обязательно требовалось быть влюбленным в поэта, и Нина влюбилась... И эта влюбленность станет для нее роковой.

Однако поначалу эта любовь была лишена плотских импульсов. Белый и его друзья формируют кружок аргонавтов, которые призваны осуществить «братскую мистерию», где пророком и «Новым Христом» должен был стать Борис Бугаев, тогда и избравший псевдоним Андрей Белый. Нина становится одной из его участниц. А поскольку она в браке не была счастлива, то он решает «спасти» ее, открыв ей мир духовных потребностей, погрузив в «тревожное ожидание скорого “исполнения сроков” и второго пришествия Христа»⁶. Все это выражалось весьма туманно и метафорически и нашло лирическое выражение в сборнике стихотворений Белого «Золото в лазури». Своим стихотворчеством он жил сам и звал «сестру» — Нину — идти с ним ввысь, к лучшей, светлой, истинной жизни. Нина улавливает таинственные зовы: он «научил меня “прозревать” за явлениями косного земного мира»⁷

5 Петровская Нина. Воспоминания // Разбитое зеркало. С. 418.

6 Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники романа Брюсова «Огненный ангел» // Гречишкин С.С., Лавров А.В. Символисты вблизи. Статьи и публикации. СПб.: Издательство «Скифия», ИД «Талас», 2004. С. 9.

7 Петровская Нина. Воспоминания // Разбитое зеркало. С. 428.

В.Я. Брюсов. Портрет работы М.А. Врубеля

подлинное, ноуменальное бытие, говорил «о вечном покое как о вечной жизни, о могиле как о вершине, озаренной утренней зарей»⁸. Ее особую чуткость и восприимчивость к своим идеям замечает Белый. «Моя тяга к Петровской, — вспоминал он, — окончательно определяется; она становится мне самым близким человеком, но я начинаю подозревать, что она в меня влюблена; я самое чувство влюбленности в меня стараюсь претворить в мистерию»⁹. Что-то необычайное чувствует и она: «В его присутствии мне хотелось высвететь насквозь, стать березкой, охваченной ветром, и горько томилась я — не могу! Еще почему-то не могу!.. <...> будущее приближалось лишь в туманных символах и намеках»¹⁰.

Пока их союз — мистическая духовная близость, чуть ли не любовь брата и сестры. Нина Петровская покорно следовала за своим учителем, что подтверждает ее рассказ «Последняя ночь» с посвящением Андрею Белому. Герой рассказа — самоубийца, жаждущий слиться с запредельным «зовом бесконечной любви». «Под ноги Его я брошу мое земное, греховное тело, а душой потону в Его Вечном, немеркнущем свете, и мы будем одно — я в Нем, и Он во мне». Уже здесь появилось непримиримое противоречие между тайной, мечтой

и земной стихией, воплощением которой служат «вой, свист невидимых вихрей». В рассказе торжествует прорыв к идеальному, к «светозарному бело-огненному лику»¹¹, но чувствуется и яркий эротический подтекст.

В ноябре 1903 года Белый пишет состоящее из пяти частей стихотворение «Sanctus amor» («Святая любовь»), позднее переименованное в «Преданье». В этом стихотворении отразились его мистические отношения с Ниной Петровской:

Он был пророк.
Она — сибилла в храме.
Любовь их, как цветок,
горела розами в закатном фимиаме. <...>
Забыт теперь, разрушен храм, <...>
Забыт алтарь. И заплетен
уж виноградом дикий мрамор.
И вот навеки иссечен
старинный лозунг «Sanctus amor» <...>.

Петровская назовет свой единственный сборник рассказов «Sanctus amor» (1908), как бы продолжив диалог с Белым. Но «святой любви» не было суждено осуществиться в реальности: произошло «...мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман», в котором со стороны Белого преобладало «братское отношение», у нее же возникло

8 Там же. С. 429.

9 Цит. по: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники... С. 13–14.

10 Петровская Нина. Воспоминания // *Разбитое зеркало*. С. 430.

11 Петровская Нина. *Разбитое зеркало*. С. 102, 103, 104.

«глубокое чувство»¹². Остро переживая наступивший кризис, утрату «высоты» прежних отношений, Белый, однако, не сразу решился прервать тяготившую его связь, так как подозревал, что Нина способна «наделать» «глупостей»¹³. Но все же в апреле 1904-го уехал из Москвы, что буквально привело ее на край гибели. Неуверенность, утрату веры в себя — вот что получила она взамен мистерии... «Пережить крушение реальное, горе, катастрофу с простыми входящими человеческими данными, вероятно, было бы легче и проще. Это же, ирреальное, оказалось, по последствиям острее ножа»¹⁴. Любовь явилась обманом, она снова осталась в одиночестве.

И в этот момент на ее пути встал Брюсов, до этого всего один или два раза зашедший на Знаменку, а теперь зачистивший на новую квартиру, где обосновались Соколовы. Встреча эта будет еще более роковой для Нины. Она определит всю ее дальнейшую жизнь. Брюсова Петровская встречала и раньше, но видела его издали: «нездешний такой и такой земной, преувеличенно корректный, светский <...>. Я могла бы процитировать ему наизусть два его сборника целиком, а он на меня взглянул мельком,

как на стену»¹⁵. Теперь ее спасали бесконечные беседы с ним по телефону.

Но Брюсов возник неслучайно. Он уже вел мысленный поэтический поединок с Андреем Белым, они начинали бороться за предводительство в кругу московских символистов, тем более что один представлял «старших», а другой — «младших». А тут представилась возможность перенести борьбу из поэтической плоскости в житейскую, а потом «вернуться» обратно, преобразив все эстетически. У Брюсова начал созревать замысел повествования из эпохи Средневековья — о безумной женщине, вступающей в связь (в воображении) с «огненным ангелом» Мадием, соблазняющей его земного «двойника» графа Генриха фон Оттергейма и получающей покровительство рыцаря Рупрехта, которому признается в любви. И Нина с ее внушаемостью, неуравновешенным характером, только что пережившая любовную драму с голубоглазым, мистически настроенным Андреем Белым, как нельзя лучше подходила для «прописывания» рождающегося в воображении сюжета, тем более что в это время Брюсов, по его собственному признанию, вступил в один из наиболее эмоционально насыщенных периодов своей жизни.

12 Цит. по: *Гречишкин С.С., Лавров А.В.* Биографические источники... С. 15–16.

13 Там же. С. 17.

14 Петровская Нина. Разбитое зеркало. С. 445. Хорошо, что она не могла прочитать те страницы его воспоминаний «Начало века», где был дан ее отталкивающий портрет. Белый, даже зная о ее трагическом конце, решил очень уничижительно о ней отозваться.

15 Там же. С. 410.

«Никогда не переживал я таких страстей, таких мучительств, таких радостей»¹⁶, — признавался он. И эту гамму чувств подарила ему Петровская. Можно долго обсуждать тему, насколько Брюсов был одарен способностью любить. Ходасевич прямо утверждал, что нет. Однако именно Брюсов первый после Пушкина возродил эротическую поэзию, разрабатывая все аспекты любовных переживаний, основой которых всегда считал страсть, телесное влечение, признавая, однако, что, приводя к «душевной растерзанности», страсть не исключает «духовной пронзенности»¹⁷. Он страсть воспевал, анализировал. Неслучайно в 1904 году напишет целое исследование, посвященное тому, как следует изображать страсть¹⁸. Но ему явно требовалось погружение в пучину страсти. И Петровская предоставила ему такую возможность. Сама она описала это очень поэтично: «В ту осень В. Брюсов протянул мне бокал с темным терпким вином, где, как жемчужина Клеопатры, была растворена его душа, и сказал:

— Пей!

Я выпила и отравилась на семь лет...»¹⁹.

Однако поначалу сближение с Брюсовым выглядело как месть Белому и попытка забыться. Отвергну-

тая Нина делится с поэтом своими переживаниями, они ритуально топчут связку писем Белого в финском озере Сайма, куда отправились, чтобы провести вместе незабываемые дни, получившие поэтическое «закрепление» в цикле стихов Брюсова «На Сайме» и некоторых рассказах Петровской. Белый был постоянной темой их бесед. Такое преклонение вызывало у Брюсова чувство соперничества. Кроме того, поселившаяся ревность подстегивала разрастающуюся любовь к Петровской. После возвращения из Финляндии, где их отношения достигли пика, Брюсов признался: «...да, то была вершина моей жизни <...>. Ты вознесла меня к зениту моего неба. И ты дала мне увидеть последние глубины, последние тайны моей души»²⁰. Последнее, скорее всего, было правдой. Петровская всегда настойчиво повторяла, что свою душу закрытый для других Брюсов открывал только ей.

Создавшийся треугольник не был тем, в котором человек стремится разрубить тягостный узел. Художник-символист, напротив, длит и длит сложные отношения, то отдаляя Петровскую, то приближая ее, когда ему требовалось придумать новые сюжетные повороты для его романа, полное название которого «Огненный ангел,

16 Брюсов В.Я. Дневники 1891—1910. М.: М. и С. Сабашниковы, 1927. С. 136.

17 Кошемчук Т.А. Страсть в поэзии В.Я. Брюсова // Русская речь. 2016. № 1. С. 19.

18 См.: Брюсов В. Вехи I. Страсть // Весы. 1904. № 8. С. 25–28.

19 Петровская Нина. Разбитое зеркало. С. 463.

20 Цит. по: Гречишкин С.С., Лавров А.В. Биографические источники... С. 39.

или Правдивая повесть, в которой рассказывается о Дьяволе, не раз являвшемся в образе светлого духа одной девушке и соблазнившем ее на разные греховные поступки, о богопротивных занятиях магией, астрологией, гоетейей и некромантией, о суде над оной девушкой под председательством его преподобия архиепископа Трирского, а также о встречах и беседах с рыцарем и трижды доктором Агриппою из Неттесгейма и доктором Фаустом, написанная очевидцем» соответствует запутанному и разветвленному сюжету, а действительность давала автору возможность сделать психологически достоверным поведение персонажей.

Судьба подарила Брюсову шанс реализовать творческое задание символистов — разрушить грань между жизнью и искусством. И хотя он не принадлежал к поколению «младших», для которых жизнетворчество становилось жизненным принципом, он все же решился на эксперимент: создать роман-аналогию жизненной ситуации. А вот Петровская всю эту игру приняла за истину. И, подыгрывая автору, буквально на глазах превращалась в Ренату (этим именем героини она стала подписывать письма к возлюбленному), впадала в экстатические состояния, произвольно меняла линию поведения. Провоцируемая Брюсовым она воспринимала происходящее как непременно атрибуту любовных отношений, не

подозревая, что служит только «материалом» для создания эстетически совершенного творения. Но парадокс заключался в том, что в создание текста вкралась настоящая любовь, причем двусторонняя, с которой ни Петровская, ни женатый на скромной и преданной Иоанне Матвеевне Брюсов не могли справиться. В одном из писем 1905 года поэт напишет: «там на этих исписываемых мною страницах, Ты, та Ты, которую я знаю, которую люблю, которую хочу сохранить себе и миру — навек!»²¹ Так тесно переплелись художественный посыл (а для Брюсова творчество всегда находилось на первом месте) и мир чувств, который не поддается рациональному «урегулированию».

Но если для Брюсова эти отношения подпитывали его творческое горение, то для Петровской они стали жизненно необходимы: «Я полюбила тебя с последней верой в последнее счастье. Второй раз я бросила мою душу в костер и вот сгораю, гибну, чувствую, что второй раз не будет воскресения». Она оказалась права. Воскресенья не последовало. Было судорожное хватание за жизнь на протяжении последующих двадцати лет и постепенное угасание воли, исчезновение надежд, нарастающее отчаяние. Брюсов почувствовал утомление от этой любовной связи уже к концу 1906 года, когда писание «Огненного ангела» было почти завершено, а Петровская вошла в роль Ренаты,

21 Там же. С. 7.

стала подписывать письма этим именем и все настойчивее требовала его развода с женой. Брюсов в этой ситуации вел себя благородно, стараясь нацелить внимание возлюбленной на иные сферы. Еще в 1904 году, создав символистский журнал «Весы», он давал ей задания отзываться на книги, с чем она замечательно справлялась, отточив стиль и даже выстроив довольно последовательную литературно-критическую концепцию. Удавались ей и отзывы на театральные постановки, и размышления о поисках в области драматургии. Позже ей эти навыки весьмагодились

В.Я. Брюсов

(живя за границей, она присылала в Россию отклики уже на зарубежные, в основном французские книги, что давало ей возможность хоть что-то заработать). Уже перед самым их расставанием Брюсов решил сделать из нее переводчицу с французского, хотя она не слишком хорошо владела языком. И Петровская по его настоянию принялась за перевод романа известной французской писательницы-декадентки Деларю Мардрюс «Шеридан», который был опубликован и в журнале «Русская мысль», и вышел отдельным изданием под названием «Исступленная» (конечно, Брюсов тщательно перевод редактировал). Она довела дело до конца, хотя давалось ей оно непросто, новая «болезнь» (пристрастие к морфию) все время напоминала о себе и приостанавливала работу. Но опять-таки впоследствии переводческий опыт очень помог ей: в середине 20-х она перевела скандально знаменитый роман Виктора Маргерита «La Garçonne» («Холостячка»), который переиздается до сих пор (иногда под названием «Моника Лербье») — об эмансипированной женщине, не желающей находиться в зависимости от мужчин, что, вероятно, поддержало ее и финансово, и эмоционально. В образе жизни Моника она угадывала упущенную ею возможность.

Пока же Нина постоянно находится в состоянии болезненной взвинченности, вызванной как ее повышенной восприимчивостью, так и злоупотреблением морфием, к которому, из мести, она пристрастила

и Брюсова. Впрочем, мстила она не только таким банальным образом. К роду изысканной мести можно отнести ее рецензию на книгу В. Свентицкого «Антихрист (Записки странного человека)», где она, говоря об аморализме главного героя, по сути, излагает отношение к любви Брюсова (как она это понимает). Прочитав слова героя: «Говорят, личность больше всего выражается в любви <...>. Достаточно прослушать историю любви какого-нибудь человека, чтобы узнать его лучше и полнее, чем за целую жизнь знакомства», — она развивает эту мысль: «...в любви он движется одной безблагодатной механической силой своего естества. В ней нет для него никаких нежных оттенков, никакой психологической светотени, — всего того, что делает человеческое чувство трогательно-зыбким и в то же время строгим и святым. Для него любовь — сила мрачная, холодная и потому особенно склонная ко всякому преступлению и демонизму»²².

Накале ее чувств не ослабевал, она продолжала любить и всеми возможными способами пыталась вернуть былое страстное чувство (вкралось даже решение не рожать ребенка, на чем настоял Брюсов). Все это привело к тому, что 14 апреля 1907 года в Политехническом музее на лекции Андрея Белого она, подойдя к Брюсову, вынула браунинг и спустила курок.

Но произошла осечка, и Петровская не стала убийцей.

В этой истории остается много неясного. Белый, например, был уверен, что стреляла она в него, о чем и написал в своих воспоминаниях. Несмотря на то, что свидетелей должно было быть множество, деталей никто не мог вспомнить. А одна мемуаристка даже утверждала, что Петровская собиралась выстрелить в Брюсова после ссоры, случившейся в Литературном кружке, куда она постоянно наведывалась и где ночи напролет проводила за игрой в карты. Тем не менее она все это время продолжает работать, создавая маленькие шедевры символистско-импрессионистической прозы, которые и составят вышедшую в 1908 году книжечку «Sanctus amor». К краткому разбору ее прозы мы еще вернемся, а здесь лишь скажем, что перед нами практически уникальный случай, когда женщина предпочитает «повествовательный трансвестизм», т.е. ведет рассказ от лица мужчины, в то время как практически все писательницы наконец-то позволили себе говорить открыто, захотели, чтобы их голос был услышан, перестали прятаться за мужскими псевдонимами и пр. В начале XX века так, вызываясь, повела себя только Зинаида Гиппиус. Но у нее для этого были свои причины: осознанно выбранная стратегия творческого пове-

22 Петровская Нина. Вал. Свентицкий. «Антихрист (Записки странного человека)». СПб., 1908 // Разбитое зеркало. С. 533.

дения с далеким прицелом. И практиковала она это только в поэзии. Петровская же, на наш взгляд, поступила подобным образом с целью «научить» Брюсова любить так, как умеет любить она.

Ее герой, мужчина, изнемогает от любви к женщине, остающейся недоступной, ускользающей из-под его власти. В его уста Петровская вкладывает слова, которые в жизни, видимо, не раз сама обращала к Брюсову. Вот яркий пример из заключающего сборник рассказа «Любовь»:

«— Любишь ли ты меня? — спрашиваю я каждую встречу, всегда предчувствуя близкий и страшный конец.

— Любишь ли ты меня? — спросил я ее в ту ночь, и сердце сжалось темным предчувствием беды».

А его признание звучит так: «...я люблю тебя, как три года назад, как вчера, как буду любить завтра»²³. Неудивительно, что финал такой любви предопределен! Выстрел в возлюбленную и ее смерть (не по следам ли выстрела в Политехническом написан этот рассказ?).

Начиная с 1908 года, надежд на соединение с Брюсовым у Петровской оставалось все меньше. С этого времени она, по сути, живет за гра-

ницей, лишь изредка приезжая в Москву. Пытается отвлечься, затевает новые романы — один, недолгий, с юным французом, которого мучает так же, как ее мучил Брюсов²⁴, другой, тоже краткий, — с племянником Михаила Кузмина писателем Сергеем Ауслендером, который также был значительно моложе ее (с ним она совершила поездку в Италию, побывала у Горького на Капри). Но 9 ноября 1911 года все же решила окончательно покинуть Россию. Проводы были обставлены театрально. Как вспоминал Ходасевич, в купе, где находились Нина и Брюсов, «на полу стояла откупоренная бутылка коньяку <...>. Пили прямо из горлышка, плача и обвиняясь <...>. Нина и Брюсов знали, что расстаются *навек*» (курсив Ходасевича. — М.М.)²⁵.

С этого времени начинаются ее скитания по Европе. Существует версия, что в 1913 году в Париже она совершает попытку самоубийства, выбросившись из окна гостиницы. Но осталась жива, только стала прихрамывать, т. к. сломала ногу, которая плохо срослась. Однако, скорее всего, это слухи, т. к. есть сведения, что ее хромота была связана с костным туберкулезом, который она лечила в больницах. Она вообще довольно много времени проводит в лечебни-

23 Петровская Нина. Любовь // Разбитое зеркало. С. 84, 85.

24 Подробнее см.: Михайлова М.В., ле Гуи Катрин. Нероковой треугольник // Брюсовские чтения 2016 года. Ереван, 2017. С. 400–409; Они же. Письмо Робера Нине Петровской (публикация) // Там же. С. 499–502.

25 Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты. С. 28.

цах. И помогают в это время ей деньгами Брюсов и бывший муж²⁶.

С наступлением Первой мировой войны следы ее теряются. Из писем к Ходасевичу мы узнаем, что она жила в Риме, крайне нуждалась, занималась любой, даже черной, работой (отголоски этих событий, вплоть «до очень глубоких степеней падения»²⁷, запечатлены в ее новеллах, которые печатаются в газете «Утро России»), «побиралась, просила милостыню, шила белье для солдат, писала сценарии для одной кинематографической актрисы, опять голодала. Пила <...>»²⁸. Возникли слухи, что она приняла католичество, взяв имя Рената. О ней появились сведения в берлинском журнале «Русская книга». В нескольких строках сообщалось: «Нина Ник. Петровская, поэтесса и переводчица, живет в Риме [Circolo russo, via delle Colonnate, 27]. Нигде не работает»²⁹. Уже из этой заметки видно, насколько искаженным было воспоминание / представление о ней: неправильно указано отчество, род занятий (она никогда не писала стихов).

Ее же собственные воспоминания о годах, проведенных в Италии, возникают в ее очерках, которые она начинает печатать в берлинской га-

зете «Накануне» (она переезжает в Берлин осенью 1922 года). Читатель может по ним составить емкое представление и о надвигающемся фашизме, и о восприятии населением идей Муссолини, и о культурной жизни Италии тех лет. В этих очерках проявился незаурядный талант Петровской-публициста. Ее зоркий глаз подмечал многое, ее политические выводы дальновидны, ее оценки культурных событий взвешены. Будничные картины, зарисовки увиденного и услышанного перемежаются размышлениями и лирическими отступлениями. Создается полное представление об Италии на переломе двадцатых.

Но центром русской эмиграции в это время оставался Берлин. Здесь Петровская встретила многих знакомых — Андрея Белого, Ходасевича, Юлия Айхенвальда, Бориса Зайцева... Но привлекала ее в первую очередь сменовеховская газета, выходящая под литературной редакцией А.Н. Толстого и бывшая проектом советских чекистов, о чем она, конечно, по наивности и не подозревала, т.к. не очень хорошо разбиралась в политических хитросплетениях своих бывших соотечественников. Кроме того, ее преследовала мысль о воз-

26 Подробнее см.: Михайлова М.В. Нина Петровская. *Historia morbi*. Письмо С.А. Соколова (Кречетова) В.Я. Брюсову. Публ., вст. ст., комм. // Stephanos. 2016. № 2. [Режим доступа]: http://stephanos.ru/izd/2016/2016_16.pdf (дата обращения: 03.08.2023)

27 Ходасевич В.Ф. Конец Ренаты. С. 16.

28 Там же.

29 Русская книга. 1921. № 2. С. 28.

вращении на Родину, и она была уверена, что Толстой поможет ей в этом.

Немногим более чем за два года она напечатала в газете более 40 рецензий, 23 очерка, несколько литературно-критических статей. Одновременно Петровская работает над антологией современной итальянской прозы. Но и здесь излишняя доверчивость ее подводит: «красный граф» оставляет ее без всякой помощи, решив вернуться в Советскую Россию в 1923 году. И это становится крушением только начавшей определяться карьеры: репутация Петровской страдает, ее подозревают в сотрудничестве с органами, никуда не берут на работу. Живет она крайне бедно, часто голодает. «В опустившейся, старой, больной, нищей женщине трудно было узнать сразу блестящую хозяйку модного литературного салона», но после нескольких минут разговора она преобразилась и в итоге представала перед собеседником «сильной духом, ясно мыслящей, вполне сохранившей внутреннее единство»³⁰ женщиной.

Пытаясь найти работу, она остается в Берлине еще почти на четыре года и продолжает писать воспоминания, к работе над которыми подтолкнула ее итальянская приятельница и которые надеется опубликовать в России. «Я застала ее на краю гибели, когда хочешь не хочешь, а надо

выбирать между медлительной смертью от голода и быстрой от яда. Мне удалось уговорить ее пока отказаться от самоубийства и принять мою помощь, взамен которой она напишет для меня свои воспоминания о той эпохе, которая казалась ей “баснословной”...»³¹ Она запечатлевает первые шаги в литературе не слишком заметных литераторов — А. Койранского, А. Рославлева, М. Пантюхова, усилия по организации издательства «Гриф», рисует колоритный портрет Бальмонта.

Но вновь встает перед ее глазами прошедшее, когда Петровская узнает о смерти Брюсова в 1924 году. Она отзывается в ней страшной болью: прошлое теперь отрезано навсегда. И дополняет свои воспоминания лучшими страницами, где, как считает она, раскрывает тайну этого замкнутого и одинокого человека, доверившегося только ей. Еще одним импульсом к написанию стали воспоминания Белого, где он очень пристрасстно и, как ей казалось, неверно оценил личность Брюсова и его вклад в литературу. Она решила восстановить справедливость, дать «иного» Брюсова. Не случайно ее воспоминания заканчивались почти что дифирамбом ему и клятвой в вечной преданности: «Я не видела В. Брюсова в гробу. В моей памяти он жив и бессмертен. Но говорить о человеке

30 Из письма Е.В. Выставкиной-Галлоп, встретившейся с нею в Берлине в 1924-м. См.: Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. СПб.: Atheneum-Феникс, 1992. С. 13.

31 *Гарэтто* Э. Жизнь и смерть Нины Петровской // Там же. С. 13.

и поэте, которого я не только знала, но которого чувствовала и чувствую до сих пор неотъемлемой частью моего бытия, говорить через полгода после его смерти, не только трудно, но и ответственно. Ни в одной детали событий, нас связывающих, мне не изменяет память <...>».

Больше ей нечего было добавить. Она остановилась на том моменте, когда начала разворачиваться ее жизненная драма...

Но с публикацией воспоминаний ничего не вышло и, оставшись

без средств к существованию, она весной 1927 года решает переехать в Париж. Здесь ей пытаются помочь друзья — находят работу, правда, пока только на кухне какого-то ресторана в качестве посудомойки. Но эту работу выполнять она уже не в силах (поразительное совпадение с судьбой Цветаевой!). Следует напомнить, что на ее руках все годы оставалась имевшая ментальные особенности младшая сестра Надя, ответственность за которую привязывала Петровскую к жизни и заставляла находить хотя

Нина Петровская

бы грошевый заработок. Но в середине января 1928 года сестра умирает от рака желудка. А это было последнее существо, связывавшее Нину с жизнью. Теперь точка поставлена окончательно.

Дальше еще какое-то время она живет по инерции, переезжает к Ходасевичам, выполняет какие-то действия, но с утра незаметно выскальзывает из квартиры и идет «пить вино на угол площади Дюмениль». А однажды ушла и не вернулась, сняла комнатку в нищенском отеле, где в ночь на 23 февраля, включив газ, и покончила с собой. Осталось предсмертное письмо: «Я спросила себя — “можешь жить?” и ответила — “не могу” <...>. Смерти я не боюсь <...>. Я колола ей (т.е. сестре. — М.М.) руку иглой 4 раза, потом себе. Думала, заражусь трупным ядом. Но нет. В моей физической конструкции заложена какая-то сверхчеловеческая сила <...>. Я ее любила, оказывается, как никого в жизни. Но из этой комнаты с паршивыми цветочками на обоях живой и для жизни я не выйду. Такова моя судьба: умереть лютой смертью»³².

Ее гибель, по сути, явилась одним из последних аккордов, возвестивших о конце прекрасной эпохи — Серебряного века. Ее роль в создании его атмосферы — бесспорна. Она оставила интересную прозу — пример настойчивых попыток

расширения горизонта женского письма. Рассказы «Осень», «Она», «За гранью», «Последняя ночь», «Цветок Ивановой ночи», «Сны октябрьских ночей» — лирико-психологические этюды, миниатюры с яркими метафорами и ослабленным сюжетом, варьирующие темы любви и смерти, рассматриваемые в экзистенциальном ракурсе. Это всегда повествования о пребывании на границе и «за гранью» (такое название носит один из рассказов), это поиски идеала, путей избавления от душевной сумятицы и житейской маяты, надежды на всепрощение. Безусловно, к ним в высшей степени приложима характеристика Брюсова, данная натуре писательницы: «У Тебя душа самобытная, у Тебя оригинальный, свой взгляд на все, у Тебя острая, меткая, тонкая наблюдательность, у Тебя понимание стиля»³³.

Для кого из них нахождение рядом оказалось более плодотворным? В плане творчества для Брюсова несомненно. Ведь именно после испытанных терзаний родились лучшие его прозаические произведения, где в центре всегда находится женский образ: «Последние страницы из дневника женщины», «За себя или за другую?», «Ее решение», «Только утро любви хорошо», пьеса «Путник». Любовный мелос пронизывает его стихи этого времени.

32 Из переписки Н.И. Петровской // Минувшее. Вып. 14. М.—СПб: Atheneum-Феникс, 1993. С. 368.

33 Валерий Брюсов — Нина Петровская: Переписка 1904—1913. М.: НЛО, 2004. С. 371.

Мы любили! мы забыли,
Это вечность или час!
Мы тонули в сладкой тайне,
Нам казалось: мы не жили,
Но когда-то Heinrich Heine
В стройных строфах пел про нас!

Петровская отдает ему свою душу и тело. И в итоге жизнь. Но и учится у него. В это время ее произведения напоминают белый стих. Ритм возникает из мерного чередования длинных и коротких предложений, из параллелизма в композиционном строении, из обилия риторических вопросов и восклицаний и простого синтаксиса. Например, в рассказе «Северная сказка»: «Ах, тише... Сядь близко, закрой глаза и молчи. Слышишь, звенят бубенчики, — это в соседней деревне пасется стадо. Слышишь тихие всплески, — это рыбаки выезжают на ловлю. Слушай музыку вечера. Может быть, само солнце запоеет сейчас старинную северную песнь, целуя воду алыми губами»³⁴. Каждое слово, предложение тщательно взвешено и продумано, и в этом сказалась школа Брюсова, который, правда, не слишком ее хвалил — ставил всего лишь 3+ за исполнение.

Но она и отталкивалась от брюсовской поэтики, более продуманной и рационалистичной, чем ей хотелось, создавая свой призрач-

ный мир сновидений. Ее проза сомнамбулична, ее герои и героини «ходят как манекены, опьяненные любовью»³⁵. В рассказах Петровской отсутствуют анализ и рассуждения. Она, конечно, о чем-то рассказывает, но повествовательный момент здесь не главное. Знала ли она завет С. Малларме: «Созерцание предметов, образ, взлелеянный грезами, которые они навевают, — вот что такое подлинное песнопение»?³⁶ Скорее всего, Брюсов, который в это время как раз находился на «переходе» от Верлена к Малларме, мог с нею им поделиться. Но в любом случае в ее произведениях гораздо больший вес имеют фон, природа, пейзаж, время, движение теней, ритм фразы, повторы, т.е. все то, что способно как бы «помимо» психологии выразить мучающие автора проблемы. Пейзаж ее антропоморфен и полностью отвечает тому состоянию безбрежного, беспредельного одиночества индивидуума, который заброшен в этот мир и покинут в нем. Белому этого показалось мало, и он вынес свой вердикт: «Из Нины Петровской могло бы выработаться действительное дарование, если бы она не относилась так пассивно к собственным своим художественным переживаниям. А для этого ей нужна вера в желтые шелка зари»³⁷.

34 Петровская Нина. Разбитое зеркало. С. 71.

35 Белый А. Нина Петровская. Sanctus amor. 1908 г. Книгоиздательство «Гриф» // Весы. 1908. № 3. С. 91.

36 Малларме С. О литературной эволюции. 1891 // Поэзия французского символизма. М., 1993. С. 425.

37 Белый А. Нина Петровская. Sanctus amor. 1908 г. Книгоиздательство «Гриф» // Весы. 1908. № 3. С. 92.

«Вера в желтые шелка зари» — на языке младосимволистов это вера в преобразование и перерождение мира. Но в том-то и дело, что Петровская не руководствовалась теориями, а передавала кризисное состояние личности, которая оказалась вброшенной в новую бездушную реальность XX века. Поэтому как мольба, как заклинание звучат последние слова ее рассказа «За гранью»: «И есть у меня только одна надежда, что смерть милосерднее жизни, что в тот момент, когда спадут цепи земли, Единый сжалится надо мной, не пошлет одиноко скитаться во тьме холодных изначальных пространств, а сольет меня навеки с той сладковатой тишиной, где потонет навеки моя усталая душа»³⁸.

А потому у нее и получилось создать, возможно, лучшие и точнейшие, с одной стороны, воспоминания о Серебряном веке, а с другой — сотворить миф о нем. Отсюда удивительное освещение людей, событий, жизни: взгляд как бы со стороны, из «другой эпохи» и, одновременно, воскрешение тех драгоценных подробностей, которые составляли суть того времени. Символизм, знакомство с поэтами-символистами стали для нее той живой водой, которая оросила ее жизнь вплоть до рокового решения. Но по-своему и сгубила

ее, т.к. она не могла принять ничего иного и спустя двадцать лет все продолжала жить там, где «подавались рюмки и бокалы на тончайших и длиннейших хрупких ножках», гостиные «корячились» «стильной» мебелью, на спинках диванов висели «лоскутки парчи», в моде были «тусклые, линялые цвета», все упивались «нюансами», «аспектами», «переживаниями», «многогранностью»³⁹. Где один удивительный поэт (Белый. — М.М.) «пил из крохотной рюмочки шартрез с таким удивлением в синих (лучисто-огневых) глазах, точно хозяин предложил ему не простой ликер, а расплавленный закат» и который «ходил по Арбату <...>, точно по осиянной звездами пустыне или по дантовскому лесу, кишашему видимыми и невидимыми опасностями»⁴⁰, а другой (Брюсов. — М.М.) взирал на «на этот “балаганчик”» «“угрюмым магом” с высот “Метрополя”»⁴¹.

Но если «Воспоминания» можно назвать совершеннейшим ее творением, то писавшаяся параллельно проза только еще вызревала. В последних своих вещах — «Белый дом с колоннами», «Прах земной», «Ночка», «Трамонтана» — она «изменила» Брюсову, вновь «последовав» за Белым, т.е. решив разрабатывать гротескно-абсурдистскую манеру письма, ему свойственную. Делала ли она

38 Петровская Нина. Разбитое зеркало. С. 100.

39 Петровская Нина. Воспоминания // Там же. С. 434.

40 Там же. С. 418.

41 Там же. С. 434.

это сознательно? Скорее всего, да, т.к. очень четко уловила новый литературный посыл — орнаментальность и экспрессивность, о чем высказала несколько трезвых суждений в своих рецензиях. Теперь она как автор пребывает не в космическом беспредельном пространстве, растворяясь во времени, а отсчитывает часы и миги здесь, на этой земле, видит сопряжение возвышенного и безобразного, трагического и комического, бытовой реальности, в которой существуют эмигранты, и карнавальности «чужой» культуры. Рядом оказываются умалишенные со своими фантастическими видениями и здоровые, истязающие друг друга добровольно, в том числе и любовью. Теперь Петровская позволяет себе даже поиронизировать над любовным чувством, и человек ею «изображается как су-

щество, не способное сдержать свои животные порывы»⁴².

Она хорошо усвоила, почти состоявшись как писательница, уроки Брюсова, но как человек не смогла отделить любовь от жизни и жизнь от творчества. В самом начале своего творческого пути Брюсов написал стихотворение «Юному поэту», где сформулировал три завета: устремляясь в будущее, не жить настоящим, никому не сочувствовать и поклоняться искусству «только ему, безраздумно, бесцельно»⁴³. Петровская не вняла этим заветам: она жила прошлым, сопереживание и сочувствие переполняли ее, поклонялась она только своему избраннику.

Но союз двух столь разных людей дал необыкновенно яркие плоды, действительно обогатив русскую культуру.

42 Подробнее см.: Михайлова М.В., Шевчук Ю.В. Нина Петровская — прозаик и критик // Русская литература и журналистика в движении времени. Ежегодник—2015. Факультет журналистики МГУ. М., 2016. С. 135–148.

43 Брюсов В.Я. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1961. С. 96.